

И забрезжил свет...

Об Ольге Михайловне Кожевниковой, враче-офтальмологе специальной школы-интерната № 2 для слабовидящих детей Фрунзенского района Москвы, я услышала еще до того, как мы с ней познакомились. Мама девочки Жени, которая окончила школу несколько лет назад, вспоминала Ольгу Михайловну с особой теплотой. А сама Женя рассказала: когда в интернате находят потерянные кем-то очки, с ними приходят к Ольге Михайловне. По находке она «вычисляет» владельца, больше того, — не заглядывая в бумаги, может сказать, когда Коле (Оле, Васе) были выписаны такие очки и какие он носил до этого.

...В школе-одинадцатилетке 230 учеников. Сюда приходят из детских садов соответствующего профиля, поступают с направлениями из больниц и поликлиник. В основном это дети со зрением от 0,2 до 0,08 процента. Но эти границы весьма условны. Есть ребята, состояние зрения которых есть все основания назвать пограничным. Их можно направить и в школу для слепых, и для слабовидящих. От того, куда они попадут, порой зависит их судьба. Слабовидящие — это все-таки видящие. Школа должна дать ребятам среднее образование, сохранить, а по возможности и улучшить их зрение, не допустить, чтобы у них возник комплекс неполноценности. Словом, выпустить с аттестатом людей социально реабилитированных, конкурентоспособных для поступления в вузы.

Но при том, что медицинский и образовательный аспекты считаются в школе одинаково важными, условия для лечения и учения, увы, не равные. Практически полностью укомплектован штат учителей и воспитателей, а вот с медицинскими работниками просто беда. Полагается интернату три врачебные ставки, но нет ни педиатра, ни психоневролога. Если учесть, что

дети с ослабленным зрением имеют, как правило, еще букет сопутствующих заболеваний, особенно часто — нервной системы, станет понятно, насколько тревожит эта ситуация и директора школы Михаила Ефимовича Горелика, и Ольгу Михайловну, которой волей-неволей приходится быть одной в трех лицах. Кстате, и медсестра в школе одна, плюс три сестринские вакансии. Тем не менее считается, что школе повезло. Потому что ни в другой московской школе для слабовидящих детей, ни в школе для слепых нет главного человека — офтальмолога.

Но повезло этой школе не только потому, что есть Ольга Михайловна, а еще и потому, что у них с директором полное взаимопонимание, поддержка. Работают они не один при другом, а вместе.

Михаил Ефимович в школе 26 лет — с тех пор, как она существует. Офтальмологов за это время сменилось несколько. И когда пять лет назад к нему прислали молоденькую выпускницу, Михаил Ефимович и ее воспринял поначалу как временную.

— А открыл я ее, — вспоминает директор, — когда она говорила об одном запущенном парнишке: неудачно

сделали операцию, и ему грозила слепота. Пришла ко мне, рассказывает о нем, о чужом ребенке, а глаза налиты слезами. Ну, думаю, эта, кажется, не будет искать место поспокойнее с окладом на тридцатку повыше. Практики настоящей у нее, конечно, не было, но как она взялась за дело!

Ребятам, которые находятся в этой школе, нельзя сказать: извините, дети, вы больные, вам ничего нельзя — ни играть в футбол, ни ходить в походы. Им все можно — и нужно! — но только после индивидуальных советов врача. На педсоветах врач дает информацию о состоянии здоровья каждого ребенка, говорит, кому на уроках надо уделять особое внимание. А консультации в лучших столичных институтах, куда ребят возят на осмотр? А общение с родителями, постоянные ответы на их вопросы, советы? Все это — заботы Ольги Михайловны.

Может ли что-нибудь заставить ее подать заявление об уходе? Она считает, что только одно: уход на пенсию директора. Она прекрасно понимает, что подчиненных с таким, как у нее, характером, обычно не очень любят: если знает, что права, от своего не откажется, не будет ни хитрить, ни дипломатией заниматься; пойдет, как говорится, напролом. Знает все это и Михаил Ефимович, и, поскольку пенсия у него не за горами, время от времени проводит сеансы «психотерапии».

— Да поймите, вы детям нужны вне зависимости от того, кто сидит в этом кабинете: я или кто-то другой. Да вы счастливый человек! Вы

это понимаете?!

Врач и директор обсуждают, какую лучше приобрести аппаратуру (финансовых проблем здесь нет — благодаря активной помощи Всесоюзного общества слепых), какие методики лучше освоить.

— У наших ребят, — объясняет Ольга Михайловна, — как правило, по несколько диагнозов. И по каждой болячке что-то можно сделать. Но для этого надо иметь разные приборы, владеть разными методиками. Есть, правда, одно «но» — большинство детей приходит к нам с ярко выраженной неврастенией, а значит, часть препаратов им противопоказана, часть процедур отпадает. Но если есть достаточный арсенал средств, то в каждом конкретном случае можно подыскать замену.

Увы, несмотря на финансовое благополучие, школе не хватает средств реабилитации, коррекции зрения. Чтобы получить элементарные приборы, годами приходится выпрашивать их у «Медтехники». Производство идет очень мелкими партиями, без ориентации на спрос. И, прощаясь с выпускниками, врач поневоле думает о том, кого из них она недолечила по этим самым «объективным» причинам...

— Вот приходит ко мне мама, говорит, что в поликлинике ее ребенка признали безнадежным. И такое зло берет! В институте нам на лекциях рассказывали: вот открытие, новый метод, потрясающий успех... А приходит этот маленький человек, и оказывается, что на него-то как раз нового метода не хватает! Я понимаю, в районной поликлини-

ке врач, при всем большом желании, сделать ничего не может, у него 40 человек на приеме. В специализированных детских садах врач бывает 2—3 раза в неделю, потому что здесь предусмотрена не целая ставка, а только половина. На прием в наши крупные институты попасть не так просто, детских коек там очень мало. Так что длительное постоянное лечение каждого ребенка обеспечить просто невозможно. Мне интересно — а вдруг смогу...

Каждый год интернат примерно десятирých своих учеников готов передать в обычную общеобразовательную школу — вот итог работы. Но никогда, ни в одном случае Ольга Михайловна не сказала себе, что сделала все возможное.

Полгода назад решила взять в интернат шестилетнюю Настю. Согласно заключению из Морозовской больницы, девочку собирались определить в школу для слепых — зрение 0 и 0,07 процента. Сейчас оно 3 и 15 процентов. В том, что будут дальнейшие улучшения, врач не сомневается.

Из интерната она уходит обычно затемно.

— Жалко их ужасно: они же тут на пятидневке, — призналась Ольга Михайловна, когда буквально на пару минут мы остались вдвоем. Перед этим к ней все время забегали ребята: кто по делу, а кто просто так, пообщаться («мне мама шарф связала...»), поделиться бедами («Ольга Михайловна, а почему меня воспитатели по имени не зовут, а все «рыбка», «ласточка?»), пожаловаться («А чего Захарин из третьего класса пристаёт?»).

...Снова открылась дверь кабинета. Вошел солидный человек лет восьми с ломтем черного хлеба, поздоровался, начал сосредоточенно жевать. Посмотрел на Ольгу Михайловну и отломил ей половинку.

Л. ЧУБАРОВА.